

Владимир КОЛМАКОВ, Сергей ПОЛЯКОВ

ИНТЕРНЕТ-ФЕДЕРАЛИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В КОНСОЛИДАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ СИЛ РОССИИ

Феномен интернет-федерализма в строгом соответствии с формальным определением федерализма как концепции государственного устройства уже в настоящем претендует не столько на роль «четвертой власти», сколько на роль параллельного центра власти и принятия решений. Необходимые для этого предпосылки созданы, но процесс пока не в полной мере управляем. В этой связи научная задача, поставленная в рамках данного исследования, предполагает разработку и первичную апробацию научно-обоснованного инструментария измерения и оценки степени консолидации либеральных сил, претендующих на первенство в использовании плодов интернет-федерализма. В частности, данное исследование вводит в научный дискурс понятие «интернет-федерализм», описывает некоторые его характерные черты и позиционирует в контекст традиционного понимания форм политического устройства, идентифицирует либеральное движение в качестве основного стейкхолдера интернет-федерализма, а также предлагает подход к измерению степени консолидации акторов интернет-пространства на основе анализа социальных сетей и Больших данных.

Ключевые слова: анализ социальных сетей, Большие данные, индекс консолидации, интернет, интернет-пространство, интернет-федерализм, «информационные каскады», информация, либерализм, политическое устройство, пространственная экономика, пространство, социальная сеть, уровни власти, федерализм

Интернет-пространство — малоизученная реальность, которая, тем не менее, выражает свое мнение и голосует на выборах. Если бы она воспринималась не как среда, применительно к которой надо проводить особую политику («политику в интернете»), а как альтернативное проявление части жизни тех же субъектов, и инкорпорировалась бы в текущую политику как органичная часть, то и принимаемые решения могли бы быть принципиально иными. Именно этот посыл обеспечил обращение авторов к проблеме идентификации и научного описания наблюдаемого феномена интернет-федерализма.

Проникновение интернета в различные сферы общественной практики привело к формированию новых принципов и способов ор-

ганизации взаимодействия между акторами в реальном и виртуальном пространстве. Среди достижений, которые лидируют в рейтингах упоминаемости и уже занимают должное место в практике управления или становятся элементами нормальной жизнедеятельности, выделяются следующие: «интернет вещей», безбумажная коммуникация, Большие данные и производные от их применения, такие как индивидуализация и более детальная фрагментация социума по неограниченному количеству параметров (социальное таргетирование).

Однако за ширмой технологизации просматриваются и гораздо более масштабные последствия проникновения интернета в обычную жизнедеятельность. Эти последствия принципиально иного рода, поскольку уже сегодня они обеспечивают формирование такого общественно-политического феномена, как интернет-федерализм. Постепенно интернет помимо функции «переноса» информации стал проявлять функции «центра мысли и действия», формируя очерченную ветвь власти, гораздо более реальную, нежели та, что ассоциируется со средствами массовой информации (т.н. «четвертая власть»). Причем в отличие от СМИ в традиционном понимании, интернет-сообщество в лице вполне конкретных институциональных или индивидуальных акторов имеет целый ряд механизмов легитимизации и традиционных атрибутов власти. Отсутствует, пожалуй, лишь аппарат принуждения.

Именно эти наблюдения были положены авторами в основу предположения о том, что федерализм как режим государственного управления с присущей ему спецификой и характерными чертами может иметь свое проявление в сети интернет, причем его интернет-версия в некоторых обстоятельствах и без должного управления может эволюционировать в антагониста. В таком случае ключевой вопрос заключается в том, *какова вероятность развития интернет-федерализма по конструктивному пути*. Для ответа на поставленный вопрос представляется оправданным обратиться к исследованию состава агентов влияния и их способности консолидироваться. В представленной статье будет предпринята попытка выработки и первичной апробации исследовательского инструментария, призванного измерить и оценить степень консолидации (разобщения) ключевых акторов интернет-федерализма под воздействием различных факторов.

Предпосылки возникновения интернет-федерализма как общественно-политического феномена в современной России

Интернет-пространство — специфическая среда, для которой характерно как накопление информации, так и ее движение. В ней проецируются процессы, протекающие в социальной, экономической, политической сферах взаимодействия индивидов и институтов в реальном мире. При этом интернет-пространство становится все более самостоятельным в части генерации социальных взаимодействий, равно как и все более открытым для использования в различных сферах жизнедеятельности. Так, например, до определенного момента работодатели, сталкиваясь с феноменом распространения социальных сетей и активного внедрения интернета, ограничивали их использование сотрудниками, т.к. считали, что рабочее время в таком случае используется контрпродуктивно. Это продолжалось ровно до тех пор, пока они не научились управлять движением информации или использовать полученную информацию о работниках и их предпочтениях для выстраивания, например, стра-

тегии стимулирования персонала. В более широком контексте повсеместное распространение социальных сетей привело к созданию новых сред маркетинговой коммуникации и формированию концепции интернет-маркетинга. В частности, сегодня использование социальных сетей не только не запрещается работодателями, но и анализируется штатом квалифицированных специалистов для продвижения бренда: SMM-акции, таргетированная реклама и «скрытая социология» прочно вошли в жизнь коммерческого сегмента. Можно предположить, что органы власти будут реализовывать аналогичную стратегию поведения, запрещая распространение нежелательной информации ровно до того момента, пока не научатся управлять ее движением.

Интернет-пространство для многих неспециалистов предстает как альтернативная реальность, однако и в физическом пространстве далеко не все процессы могут быть обозначены как объективные, поскольку *всегда имеет место субъективное искажение восприятия информации*, равно как и соперничество интересов. Вместе с тем, если физическое пространство является объектом исследования в большом количестве областей знания, то общепринятые и апробированные подходы к изучению интернет-пространства пока не разработаны, что актуализирует необходимость поиска и адаптации надлежащего инструментария, соответствующего требованиям научного подхода.

Таким образом, известный тезис о том, что социальные отношения являются рефлексией экономической политики, может быть успешно транслирован применительно к интернет-пространству. В этой связи на повестке дня появляются вполне закономерные вопросы, касающиеся, например, возможности разграничения интернет-пространства: тезис о том, что интернет «не имеет географии», становится все менее распространенным, т.к. географическая сегментация пользователей и таргетированная по геолокации реклама предлагается большим количеством ресурсов. В целом вопросы геолокации и географических границ возникают в случае, когда имеет место взаимодействие между пространством социальных сетей и физическим пространством.

Не менее значимым является и вопрос о том, имеет ли федерализм свое «интернет-лицо»? Что представляет собой интернет-пространство региона? Как и по каким законам оно эволюционирует и может ли оно быть управляемо; сводится ли управляемость к формированию бренда территории или «на выходе» создается нечто большее, чем «образ» территории? Ответы на эти вопросы позволят сделать существенный шаг в развитии пространственной экономики как экономики, для которой административные границы вторичны по сравнению с ценностью наполнения пространства, т.к. они выступают в качестве одного из *n*-измерений многопараметричного пространства.

Не менее значимый срез проблемы лежит в самом определении федерализма, который в наиболее общем смысле рассматривается как смешанный режим государственного управления, объединяющий национальный и региональные уровни управления в единую политическую систему. Ему присущее распределение прав, полномочий, предметов ведения и финансовых ресурсов. Таким образом, можно предположить, что отдельный индивид, институт или форма общественных отношений находятся одновременно в национальной и региональной юрисдикциях, регулирующих процесс принятия решений по всем вопросам. Однако социальные сети и прочие средства массовой информации, базирующие-

ся в интернете, сегодня способны задавать «правила игры» и направлять не только дискуссию, но и реальные шаги в практической плоскости. При этом активной стороной выступают не сами социальные сети, а конкретные акторы, претендующие на роль лидеров.

Следовательно, социальные сети и генерируемые ими «информационные каскады» все больше укрепляются в политическом дискурсе как инструменты непосредственной демократии, имеющие значительно больший потенциал воздействия на политическую систему, нежели выборы, референдумы и сходы граждан.

«Информационные каскады» играют роль в формировании ненаблюдаемых оценок при реализации социально-экономической политики. «Информационные каскады» — это новость (событие), порождающая другую новость, а следовательно, и реакцию, когда один актор рефлексировать и дает оценку другому, и происходит присоединение к мнению большинства. Однако иногда вполне адекватная социальная инициатива «на выходе» может породить совершенно неадекватную социальную реакцию или исказиться до неузнаваемости (что не учитывается теорией «информационных каскадов»). О подобных реакциях не знает ни Росстат, ни «Левада», но практика показывает, что *итогом может стать снижение уровня доверия населения к власти* (примером может служить известное высказывание Д.А. Медведева «денег нет»).

Более высокий уровень связанности интернет-пространства обуславливает большую вероятность возникновения источника социального резонанса. Связанность пространства в интернет-среде существенно выше, т.к. объект имеет возможность коммуницировать:

- с большим количеством людей;
- вне зависимости от дистанции;
- анонимно.

В интернет-среде выше скорость распространения информации, каналы ее движения более «плотные», т.к. социальные связи внутри уже сформированы, а анонимность обеспечивает гротескность реакций. Гротескность реакций, в свою очередь, обусловлена тем, что в интернет-пространстве и в реальной жизни *принципы взаимодействия фундаментально различаются*. Например, вне интернета мы взаимодействуем с соседями, потому что мы вынуждены так поступать, в интернет-пространстве люди взаимодействуют преимущественно по интересам. Индивиды агрегируются в сообщества, что обеспечивает быстрое, таргетированное и усиленное распространение информации.

На практике это означает, что, например, показанный по телевидению сюжет о проблемах дагестанских дальнобойщиков существенного резонанса не даст, а выступление Д. Медведева перед крымскими пенсионерами, показанное в интернет-пространстве и распространяемое через акторов, и без того испытывающих скепсис по отношению к премьер-министру, обеспечит протестное поведение. Возможна ли обратная ситуация? Проблемы дагестанских дальнобойщиков не будут иметь распространения в интернет-среде, там их просто не будет заметно, т.к. новость «затухнет» из-за отсутствия «информационного каскада»: у дальнобойщиков не очень высоко развита компетенция продвижения в интернете информации о своих действиях. В большинстве случаев речь идет не столько о проблемах, снижающих уровень жизни населения, сколько о событиях, влекущих за собой утрату доверия и свойственные этому социальные риски, а эффективная социально-экономическая

политика, как минимум, должна учитывать социальные угрозы, создаваемые различными «реальностями».

Таким образом, связанность пространства в «интернет-реальности» выше и драйвером «информационного каскада» станет именно она, тогда как в области социально-экономической политики рассматриваемое проблемное поле вообще может быть не учтено и не озвучено.

Следовательно, наблюдаемые процессы позволяют диагностировать *зарождение нового социально-политического феномена*, который мы склонны именовать как *«интернет-федерализм»*. Под интернет-федерализмом следует понимать систему общественно-политических отношений, в которой активная часть интернет-сообщества, способная к самоорганизации и консолидации, может не только формировать конкуренцию реальным традиционным институтам власти, но и *обеспечить регулирование и реализацию широкого спектра вопросов местного и регионального значения*, равно как и государственных функций. Вопросы формирования финансовых и имущественных основ интернет-федерализма уже во многом сняты успешными практиками краудсорсинга¹ и краудфандинга². Недостаточно изученным является вопрос измерения и оценки способности различных политических сил к консолидации в интернет-пространстве, т.е. способности стать некоторой основой интернет-федерализма. В данной работе описывается методика и инструментарий оценки степени их консолидации.

Федерализм можно рассматривать через призму либеральной идеологии в ее классической форме. Либерализм исходит из той самоочевидной истины, что *личная свобода является наивысшей ценностью*. В этой связи можно утверждать, что *федеративное устройство является инструментом достижения либеральных идеалов*, т.к. с возрастанием количества уровней представительства во власти индивид получает более широкий набор инструментов непосредственной демократии, равно как и более высокие шансы использовать их эффективно в своих интересах. Инструментом приближения к этим базовым ценностям является такое государственное устройство, которое имеет уровни представительства, более приближенные к каждому отдельно взятому индивиду. Но зафиксировать интересы этого индивида и учесть в экономической политике официальная статистика уже неспособна, т.к. она не ориентирована на учет специфики социальных групп либо заданной выборки. В этом контексте целесообразно обратиться к принципам, предложенным в работе *Big Data*. Эти принципы способны фиксировать интересы всех акторов, так или иначе выражающиеся через парадигму либерализма (т.к. либерализм ставит интерес частного лица на первое место). Таким образом, в интернет-пространстве крайне сложно отследить проекцию федеративного устройства, но вполне реально, основываясь на принципах пространственной экономики и экономики взаимодействия, выявить стремление к достижению личной свободы индивида.

Государство склонно к обобщению интересов каждого индивида. Представительство получает не отдельный гражданин, но некоторая

¹ Краудсорсинг — способ организации решения прикладных задач за счет мобилизации ресурсов распределенной и очень многочисленной группы людей посредством информационных технологий, как правило, на безвозмездной основе.

² Краудфандинг — привлечение финансирования от большого количества людей (т.н. «народно-общественное финансирование»), действующих добровольно с целью оказания поддержки деятельности других людей или организаций.

общность, чьи интересы выражаются через избираемых представителей. В унитарном государстве такая общность будет только одна; она будет представлена на национальном уровне. Федерализм же разбивает эту общность на группы более низкого порядка и более схожие по своим интересам. В этом контексте *федерализм можно назвать средством выражения ключевой либеральной ценности* — личной свободы индивида (а представительство будет тождественно свободе, т.к. индивид, обладающий представительством, свободен в реализации своих интересов). Чем сильнее мы приближаемся к учету интересов отдельных индивидов, тем в большей степени мы получаем возможность реализации базовых либеральных ценностей. В этом смысле интернет-федерализм является достаточно эффективным средством достижения описанных целей.

С другой стороны, интернет-пространство представлено совокупностью акторов. Опираясь на положения теории А.Г. Гранберга о том, что регион может выступать в 4 ипостасях (квазигосударство, квазикорпорация, квазирынок и квазисоциум³), можно предположить, что в зеркале интернета регион предстает именно как квазисоциум: его наполнение представлено индивидуализированными и обезличенными коллективными акторами. При этом исследовательский интерес представляют не сами акторы, а динамика и характеристики их пространственного взаимодействия. В этом контексте концептуальные основы, позволяющие познавать интернет-пространство, и закономерности его эволюции ближе к теории пространственной экономики в современной интерпретации и «экономике взаимодействия». Однако наличие квазисоциума не является исчерпывающим условием существования системы федеративных отношений, т.к. взаимодействия должны быть выстроены в соответствии с какой-либо системой отношений или ценностей, например, властно-подчинительных отношений. Следовательно, актуальным представляется вопрос: *прослеживается ли архитектура государственного устройства в интернете?*

Интернет признает государственное устройство, т.к. институциональные единицы государственного устройства представлены в виде индивидуальных (должностные лица) или коллективных (органы власти) акторов. Если несколько лет назад их присутствие в интернете выполняло исключительно представительскую функцию, то сегодня социальные сети и медиа стали неотъемлемым элементом реализации полномочий, источником информации и каналом ее распространения, включая обратную связь. Одним из достижений стало налаживание обратной связи, за отсутствие которой органы власти ранее подвергались конструктивной критике. Вместе с тем валентность получаемой из социальных сетей информации увеличивается экспоненциально на фоне традиционных источников, коим является официальная статистика, публикуемая с большим временным лагом. Таким образом, при анализе сетевых взаимодействий организационная структура в явном виде не прослеживается, тогда как ролевая становится очевидной.

При этом следует отметить, что интернет-пространство не является лишь средой, где представлены исключительно специфические социальные группы. Это в первую очередь пространство с присущими именно ему закономерностями, институциональными практиками,

³ См.: Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник. М.: ГУ Региональная экономика России, 2003. С. 83.

механизмами движения информации. Там присутствуют те же субъекты, что и в реальной среде. Однако на практике оказывается, что те же самые субъекты, находясь в иных условиях, ведут себя по-иному и, следовательно, обозначают совершенно другие проблемы. А значит, ни традиционные опросы, ни официальная статистика их не вскрывают. Население Росстату их не расскажет, а в опроснике таких вопросов просто не будет. Следовательно, целый спектр проблем либо остается без внимания, либо учитывается не в полной мере при реализации социально-экономической политики. Например, в интервью РБК человек прокомментирует валютный курс и обозначит его как наиважнейшую проблему, а в интернет-сообществе напишет о свободе слова, цензуре и ограничении в России *Linkedin*. И это не маргинальная субкультура: его волнуют обе проблемы, но *в разных обстоятельствах он показывает разные приоритеты*. В отношении разных пространств реализуются разные политики, и это — ложная дихотомия, т.к. индивид один и тот же: вечером он выступает в роли интернет-пользователя и его волнует возможный запрет *Telegram*, а днем он бизнесмен и беспокоится о сносе киосков возле метро, и вполне логично, что в разных пространствах он говорит о разных проблемах. Однако акценты в выделении проблем могут и совпадать, тогда необходимо признать такую проблему наиболее острой, даже несмотря на возможное расхождение в ее восприятии и оценке. В таком случае правильным будет вести речь о доверии населения различным каналам передачи информации.

Неверная трактовка интернет-пространства приводит к доминированию мнения о том, что социально-экономическая политика должна отражаться в интернете вместо того, чтобы инкорпорировать и учитывать проблемы, озвучиваемые в интернет-пространстве, равно как и риски, ими порождаемые. При этом проблемы (или их приоритетность), как правило, принципиально иные, а валентность этих проблем для различных акторов интернет-пространства крайне дифференцирована: для одних — это оценка их деятельности, тогда как для других — возможность продвижения своих интересов и формирования сторонников на «контрнегативной» информационной повестке.

Оценка степени консолидации либерального истеблишмента как ключевого стейкхолдера интернет-федерализма

На уровне теоретических допущений, требующих более детального исследования, можно предположить, что существуют некоторые политические силы, стремящиеся возглавить и подчинить себе процесс становления полнофункционального интернет-федерализма в России. Сегодня таковыми представляются те участники сетевого дискурса, которые более всего преуспели в генерации «информационных каскадов» и консолидации вокруг себя лояльного общественного мнения. Кто в этом преуспел? Практика показывает, что наиболее активно интернет-коммуникацию эксплуатируют представители либерального крыла внесистемной оппозиции, активность которых возрастает по мере приближения к наиболее значимым электоральным событиям, таким как выборы в Государственную Думу или выборы Президента.

В России и во многих других странах существуют силы, представленное преимущественно либеральным крылом политического истеблишмента, претендующие на роль еще одного уровня федеративных

отношений. Понятие либерального движения может быть определено как совокупность акторов, находящихся в оппозиции к правящим элитам и в той или иной степени разделяющих то, что принято называть западными ценностями. В этом определении очевидно несоответствие с традиционным идеологическим пониманием либерализма: европейские ценности ориентированы в первую очередь на демократическое правовое социальное государство, а не на либерализм (понятие социального государства и вовсе опирается на теории, противоречащие либерализму). Современный либеральный дискурс в России строится не на концептуальном ядре либерализма, а скорее, на приверженности западной модели развития и критике правящей элиты (любой правящей элиты).

Таким образом, либеральная идея может быть ассоциирована с теми акторами, которые де-факто задают тон и содержание «информационных каскадов» в российском сегменте сети Интернет, тем самым обеспечивая все большую осязаемость интернет-федерализма, превращая сетевое пространство в пространство действия.

Исследовательский интерес представляет возможность измерения степени консолидации ключевых представителей либерального истеблишмента, поскольку именно консолидация является фактором и условием лидерства в присвоении благ интернет-федерализма. Для решения данной задачи была выполнена оценка степени консолидации по разработанной авторами методике.

На первом этапе были выявлены основные акторы либерального движения. Для целей исследования под акторами понимаются лица или группы, влияющие на процесс принятия и осуществления решений в политической системе, — как индивиды, так и группы лиц (общественные организации или политические партии). В выборку попали основные либеральные движения и их лидеры, среди которых партии (ПАРНАС, «Яблоко» и не зарегистрированная «Партия прогресса»), общественные организации (Фонд борьбы с коррупцией, «Открытая Россия»), а также персоналии — М. Касьянов, И. Яшин, Б. Немцов, Г. Явлинский, А. Навальный и М. Ходорковский.

Отдельно следует отметить ситуацию с «Партией прогресса» и А. Навальным. Для целей настоящего исследования эти два актора будут рассмотрены вместе. Это сопряжено с тем, что, по нашему мнению, «Партия прогресса» не может быть рассмотрена в отрыве от кандидатуры А. Навального, который, с одной стороны, стоял у истоков этой партии, а с другой, возглавляет ее на протяжении последних лет. При этом ситуация отличается от пары «„Яблоко” — Явлинский», т.к. партия «Яблоко» является крупным политическим объединением, в котором помимо Г. Явлинского есть ряд политиков, которые могут быть рассмотрены в отрыве от Явлинского. Выражаясь коротко, «Партия прогресса» может быть охарактеризована как «партия одного человека».

На втором этапе был проведен контент-анализ аккаунтов акторов в социальной сети *Twitter* на предмет их перекрестной упоминаемости в контексте публикаций в *Twitter*. Поскольку не существует эффективно измерить и оценить влияние каждого из акторов на либеральное движение ввиду слабой формализуемости задачи, применительно к каждому актору был выполнен контент-анализ его информационных сообщений, размещаемых в сети *Twitter*, на предмет упоминания других акторов с учетом контекстуальной окраски (позитивное, нейтральное или негативное упоминание). Выборка сообщений охватывала период 2011—2016 гг.

Для объективной оценки, учитывающей разницу в активности различных акторов в *Twitter*, был введен индекс связей, рассчитываемый как частное разности количества положительных и негативных упоминаний и общего числа упоминаний, в математической записи представляемое как

$$i_l = \frac{p - o}{t},$$

где i_l — индекс,

p — кол-во положительных упоминаний,

o — кол-во отрицательных упоминаний,

t — общее кол-во упоминаний.

Этот же индекс использован для измерения уровня консолидации: изменяясь в диапазоне от -1 до +1, он позволяет определить характер отношений одного актора с другим. Для анализа общего уровня консолидации может быть применим вводимый в настоящей работе индекс консолидации, представленный как сумма индексов связей, деленная на количество исследуемых в системе пар.

По итогам анализа содержания были отобраны 486 твитов, опубликованных акторами на протяжении шести лет. В ходе анализа были опущены твиты, содержащие упоминания акторов вне значимого контекста, по которым нельзя судить о наличии связей. Кроме того, каждый твит также был проанализирован на предмет контекста (отрицательный, нейтральный, положительный), в котором упоминается актор. Однако обобщенные за весь период наблюдения данные не отражают ситуацию в динамике, представляя собой скорее суммарный обзор. Для более детального исследования была выполнена периодизация и последующее сравнение двух этапов политического взаимодействия либеральных сил. Ниже приведена таблица (см. табл. 1), отражающая изменение связей для двух отчетных периодов.

На третьем этапе на основе сетевого анализа был определен характер и количество связей между акторами. Для сравнения взяты два равных временных отрезка — периоды 2011–2013 гг. и 2014–2016 гг.

Исследование связей и коммуникаций между акторами базируется на сетевом анализе. Первые работы, связанные с изучением социальных сетей, проводились с середины XX в. Классической работой обычно называют исследование Дж. Барнса⁴ о распространении информации среди жителей островов, а также М. Грановеттера⁵ о силе слабых связей. Сетевое взаимодействие — типичное явление. С точки зрения реализации цели исследования наибольший интерес представляет изучение изменения характера и архитектуры связей в динамике. В дополнение к этому сетевой анализ позволяет выявить параметры сети, в числе которых размер, включенность, способность к взаимодействию, плотность, централизация и пр.

Результаты контент-анализа были подвергнуты обработке инструментами анализа социальных сетей, которые позволяют обеспечить получение ряда количественных характеристик взаимодействий акторов, а также визуализировать тесноту и интенсивность связей между ними.

⁴ См.: Barnes J.A. Clans and committees in a Norwegian island parish // Human relations. 1954. Volume 7, pp. 39–58.

⁵ См.: Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties. // The American Journal of Sociology. 1973. 78 (6), pp. 1360–1380.

Т а б л и ц а 1

Изменение связей в 2014–2016 гг. по сравнению с 2011–2013 гг.

Актор	Упоминание	Δi_j	Δi	Актор	Упоминание	Δi_j	Δi
Касьянов	Навальный	-0,35	1	«Открытая Россия»	«Яблоко»	-0,64	11
Касьянов	Немцов	0,00	-1	«Открытая Россия»	Яшин	0,00	11
Касьянов	ФБК	1,00	1	ПАРНАС	Навальный	-0,83	-14
Касьянов	Ходорковский	0,50	-1	ПАРНАС	Ходорковский	0,30	-8
Касьянов	«Яблоко»	-0,20	0	ПАРНАС	«Яблоко»	0,83	0
Касьянов	Яшин	-1,00	1	ФБК	Касьянов	1,00	1
Навальный	Касьянов	-1,00	3	ФБК	ПАРНАС	1,00	1
Навальный	Немцов	0,00	0	Ходорковский	ПАРНАС	0,00	4
Навальный	«Открытая Россия»	0,25	24	«Яблоко»	Касьянов	-2,00	0
Навальный	ПАРНАС	0,35	35	«Яблоко»	Навальный	-0,72	-3
Навальный	Ходорковский	0,23	5	«Яблоко»	Немцов	0,00	-3
Навальный	«Яблоко»	-0,47	-1	«Яблоко»	ПАРНАС	-0,23	-1
Навальный	Яшин	0,01	4	«Яблоко»	Ходорковский	-1,75	-3
Немцов	Навальный	0,00	-1	«Яблоко»	Яшин	-1,00	0
Немцов	Ходорковский	0,00	0	Яшин	Касьянов	0,00	-2
Немцов	«Яблоко»	1,00	3	Яшин	Навальный	0,38	-4
Немцов	Яшин	0,00	3	Яшин	Немцов	-0,56	-8
«Открытая Россия»	Касьянов	0,20	10	Яшин	«Открытая Россия»	0,33	3
«Открытая Россия»	Навальный	0,20	5	Яшин	ПАРНАС	-0,16	12
«Открытая Россия»	Немцов	0,00	1	Яшин	ФБК	1,00	4
«Открытая Россия»	ПАРНАС	-0,13	8	Яшин	Ходорковский	0,00	0
«Открытая Россия»	ФБК	0,50	16	Яшин	«Яблоко»	0,17	2

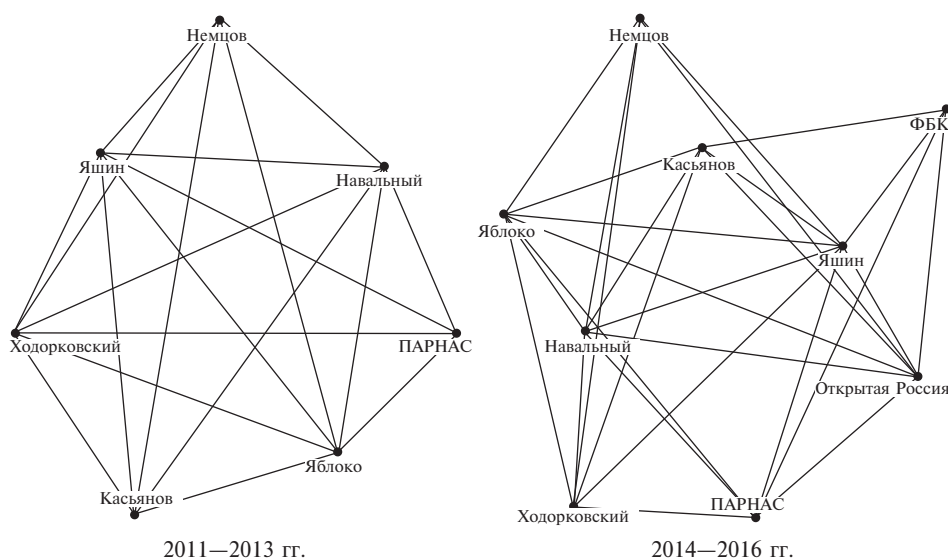

Рис. 1. Сеть взаимодействий акторов

Общий вид сети позволяет получить представление о частоте, силе и характере связей между акторами на основе позиционирования их в условном геометрическом пространстве действия, где расстояния между акторами интерпретируются именно как характеристика тесноты связи: чем ближе акторы друг к другу, тем более тесная между ними связь, вне зависимости от контекста (позитивная или негативная).

Как видно из *рисунка 1*, в 2011–2013 гг. российское либеральное движение не имело выраженных лидеров, учитывая относительную удаленность акторов и отсутствие центральных игроков. Сеть взаимодействий между акторами в 2014–2016 гг. характеризуется наличием трех ключевых акторов (Навальный, Касьянов и Яшин), вокруг которых сосредоточены акторы второго круга, предположительно менее значимые. При этом явное лидерство, судя по расположению акторов в геометрическом пространстве, не принадлежит кому-то конкретному, поскольку центр гравитации располагается внутри треугольника, образованного тремя ключевыми акторами. Вместе с тем явные аутсайдеры могут быть идентифицированы с меньшими трудозатратами: это ФБК и Немцов.

Обращение к характеристикам сети позволяет подтвердить или опровергнуть сформулированные предположения. Так, аутсайдеры помимо визуальной удаленности от центра сети характеризуются наименьшими значениями показателей престижа (*In-Degree*). Кроме того, на это указывают высокие значения локального коэффициента кластеризации акторов, в частности, Немцова и Ходорковского в 2014–2016 гг. Данный показатель позволяет установить, насколько связанными являются соседи актора, не считая его самого, т.е. чем выше значение, тем более «отстраненным», или дезинтегрированным, является актор.

Обращает на себя внимание показатель «центральности по посредничеству», значения которого у И. Яшина в 2014–2016 гг. значительно превышают значения двух других предполагаемых лидеров. Принято считать, что «центральность по посредничеству» является наиболее подходящей мерой для определения степени способности актора кон-

тролировать взаимодействие людей в своем социальном окружении, направлять информационные потоки, эффективно распространять информацию. Иными словами, это мера величины социального капитала актора.

Таким образом, вне контекста взаимодействий между акторами можно заключить, что 2014–2016 гг. стали для либерального движения периодом изменений, обеспечившим взаимную консолидацию, в частности — формирование т.н. «первого» и «второго» круга акторов, тогда как совокупные характеристики пространства взаимодействия изменились несущественно (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Общая характеристика сети взаимодействий между акторами

Показатели	2011—2013 гг.	2014—2106 гг.
Средняя удаленность акторов	0,939	1,086
Плотность сети	0,619	0,583

Очевидно, что в 2014—2016 гг. сеть стала менее плотной, а акторы — более удаленными друг от друга. Это произошло именно благодаря проявлению эффекта консолидации вокруг обозначенных ключевых субъектов (что можно точнее охарактеризовать как кластеризацию).

* * *

Консолидация, понимаемая как формальное или неформальное стремление к временному или постоянному политическому объединению, является желанной в связи с рядом факторов, среди которых более эффективное управление ресурсами, эффект масштаба, синергетические эффекты. Кроме того, объединение либерального движения служило бы позитивным фактором на выборах (в связи с объединением электоральной базы для преодоления минимального порога), а также позволило бы эффективнее конкурировать с всеобъемлющей по своей природе «партией власти». Для измерения уровня консолидации могут быть предложены различные количественные показатели. В частности, релевантным можно назвать индекс связей, предложенный в настоящей работе и базирующийся на отношении сальдо позитивных и негативных упоминаний к общему числу упоминаний. Индекс связей, изменяющийся в диапазоне от -1 до 1 позволяет определить характер отношения одного актора с другим. Для анализа общего уровня консолидации может быть применен вводимый в настоящей работе индекс консолидации, представленный как сумма индексов связей, деленная на количество исследуемых в системе пар.

Дальнейшие исследования будут посвящены изучению параметров кластеризации акторов интернет-федерализма, а также обобщению и идентификации наиболее значимых факторов, способствующих повышению степени консолидации или, напротив, разобщению активной части либерального движения в интернет-пространстве.